

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/10>

Гребенюков В.И., канд. ист. наук
Нижневартовский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия

ЕЩЁ РАЗ О ПРИЧИНАХ НАЧАЛА РАЗДРОБЛЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. В статье предлагается версия причин раздробленности Древней Руси. Экономическое развитие восточных славян позволило обществу перейти на новый уровень политогенеза, от потестарной организации к государственной форме управления. Наличие устоявшейся организации управления, представленной духовными и хозяйственными вождями, военной – дружинной организацией, делало закономерным введение простейшей формы налогообложения. Принцип разделения функций власти был реализован на основе традиций сформированного социально-стратифицированного общества и переход от нерегулярных «даней», «полюдьа» к установленным нормам платежей на отправление общественных функций власти, знаменовали собой начальный процесс складывания восточно-славянской государственности. О не причастности к этому переходу вождей воинов, князей, в древнерусской транскрипции, свидетельствует Повесть временных лет. Социальный переворот, совершенный воинским сословием, был закономерным в конкретных условиях развития восточно-славянского общества. Потребность сохранения благополучия населения, как в условиях внешних факторов, так и внутренних, делали военную организацию единственной силой способной обеспечить условия экономического прогресса восточно-славянского общества.

Ключевые слова: Древняя Русь; потестарная организация; политогенез; восточно-славянская государственность; социальный переворот.

Заявленная тема представляется достаточно изученной. По традиции кончина Мстислава Владимировича в 1132 году привела к исчезновению прежнего порядка управления [8, с. 139], либо, в более привычной трактовке, ознаменовала процесс феодальной раздробленности. Относительно новым можно считать выражение «геополитические основания».

Использование понятия «Геополитика», как контроль над территорией и закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния достаточно привычно отражает наши представления о процессах эпохи. Со времени Любечского съезда (части) потомков Ярослава Владимировича, распределение сфер влияния, а точнее территорий кормления воинского сословия, приобрело неотвратимый характер.

«Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк – Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир – Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав – Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города:

Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышль, Васильку – Теробовль» [7, с. 154].

В содержание ближайших сподвижников предводителей воинского сословия, необходимо было добиться определенности и стабильности их материального обеспечения. Профессия воина требовала соответствующего снаряжения, которое стоило достаточно, или скорее, очень дорого [4, с. 26-28]. Доверие случаю военной удачи, занятие бесперспективное. Эту мысль вполне осознал Святослав, совершая военные походы в различных направлениях. Опыт его военных операций был огромен. Достаточно вспомнить виртуозный разгром Хазарского Каганата [12, с. 57]. В стремлении сделать источник содержания сподвижников регулярным он попытался получить территорию кормления для своих соратников-дружинников на Балканах. Но Византийская империя оказалась ему недоступна [6, с. 79].

Хрестоматийный итог этой авантюры обычно сваливают либо на козни Византии, либо на киевскую верхушку. Первая версия преобладает, но, как представляется, напрасно. Его сын, Владимир, первую попытку стабилизации доходов своих соратников, предпринял через возведение в ранг высшего покровителя Перуна, покровителя воинов. Мероприятие не дало должного эффекта. Служители традиционных культов – волхвы и родоплеменная верхушка добровольно доходами делиться не собирались, и Владимир нашел иной путь – сменить культ. Обычно, этот процесс носит название «крещение Руси». Но мы должны и обязаны видеть в любом процессе экономический интерес, ибо «бытие, определяет сознание» и характер действий.

Тема имеет прямое отношение к процессам политогенеза в восточно-славянском обществе и лежащих в его основе экономических процессах. Слабая историографическая основа вопросов экономического состояния восточно-славянской государственности отмечается некоторыми исследователями [11, с. 33-47]. Источниковая база имеет опосредованный характер и может иметь диаметрально противоположные трактовки.

Серьезным достижением в изучении политогенеза, неразрывно связанного с экономическими процессами древних обществ, применительно, в том числе и к истории древней Руси, можно считать выделение конкретных блоков проблемы, требующих разработки: торговля, налогообложение, управление, договорные отношения [5, с. 202-208] и стоит добавить основу перечисленных тем – развитие товаропроизводства.

Своеобразным маркером развития товаропроизводства может служить практика торговых связей земель древней Руси с Византией. Этот путь экономических связей подтверждается наличием кладов, включавших византийские монеты, позволяющие поставить хронологические реперы этих контактов. Самый древний клад датируется временем начала IX века. Между первым по древности кладом и вторым, исследователи фиксируют перерыв приблизительно в шесть десятилетий, связывая разрыв с редкими контактами Руси и Византии [17, с. 506-507]. Отсутствие кладов, датируемых длительным периодом, может говорить и об отсутствии опасности на путях продвижения торговых экспедиций. Косвенным подтверждением имевшихся периодических проблем в торговле первой половины IX века и в другие периоды, можно считать возвращение посольства русов на родину через западную

Европу, после их посещения Византии в 838 году [14, с. 30]. Днепровский транзитный путь периодически был не стабилен. Объединения кочевников, в ведении которых находились самые уязвимые пути по Днепру – пороги, периодически враждовали между собой и эти конфликты делали волоки – пути перемещения водных транспортных средств посуху чрезвычайно опасными.

Возможную структуру восточно-славянского экспорта в Византию удастся установить преимущественно средствами лингвистики и это, в основном, злаковые культуры [2, с. 40-44].

Многие столетия воины рисковали своей жизнью, сопровождая «караваны» с излишками полюдья в Византию, в Константинополь. При необходимости, они и щит к воротам «Царьграда» прибывали, как символ серьезности и обоснованности претензий славян на материальные компенсации убытков от неэквивалентного обмена. Но, даже ценой жизни Игоря, воины получили право на треть «твердого» дохода от средств, выделяемых обществом на отправление общественных функций потестарной организации и зарождающейся государственной власти: *«И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги»* [7, с. 40].

Эта доля, тщательно зафиксированная Нестором, не компенсировала в полной мере вклад воинов в обеспечение международной безопасности и внутреннего спокойствия земель, населенных соплеменниками – славянами. Первая попытка князя Владимира возглавить новый формирующийся механизм власти путем реформирования традиционного культа, очевидно, не дал ожидаемого результата. Предводителю военной организации осталось лишь «подвинуть» старую родоплеменную верхушку. На его счастье, интересы волхвов и «старцев градских», бояр были разные. Хозяйственные вожди усиливали свое влияние и свои доходы за счет естественного процесса имущественной дифференциации и дальнейшей социальной стратификации. Складывание договорных отношений в сфере трудовых и кредитования позволяло крупным собственникам формировать личный круг экономически обязанных лиц, повышая свой экономический статус и политический престиж. Рядовичи и закупы, как результат трансформации традиций родовой взаимопомощи, составляли опору родовой знати, уравновешивая баланс сил ветвей власти общества той эпохи. Эта проблема приобретет остроту много позднее, когда ее реальное осознание (а точнее вывод из княжеской налоговой юрисдикции части налогоплательщиков) заставит Владимира Мономаха законодательно ограничить рост лично зависимого населения (ст. 44, 50 и др.) [16].

Возвращаясь к вопросу замещения служителей традиционных культов христианскими, можно охарактеризовать действия военной организации полян словами русской пословицы «своя рубашка ближе к телу». Тем более что на протяжении длительных контактов с Византией, христианство не показало принципиальных отличий с традиционными верованиями славян – понятия о добре и зле (заповеди) имели много общего [12, с. 603-604], а привыкнуть к новым именам «верховных» покровителей было нетрудно. Тем более, что христианство византийского толка относилось достаточно терпимо к включению отдельных элементов – обрядов традиционных культов в свою обрядовую практику (масленица, например) [13].

Замена культа, отдельный большой вопрос и традиционный взгляд на этот процесс, как крещение Руси, вызывает больше вопросов, чем дает убедительные ответы. Длительность процесса христианизации восточного славянства исторический факт, а его завершение маркируется вхождением в обиход термина «хрестьянин», пришедший на смену племенным названиям.

События реальной экономической жизни начала XII века – увеличение лично зависимых людей (закупы, рядовичи) заставляли реагировать получателей основных налоговых преференций – воинского сословия, на утрату части налоговой выгоды и, как было отмечено выше, Владимир Мономах предпринял эту попытку, путем компромиссных решений в пространной редакции Русской Правды. Он не мог полностью отменить процесс, но внес серьезный элемент в его упорядочение. Борьба за доходы и способы их распределения привела к зарождению служилых людей – группы правящего сословия, жившего на «зарплату» выполняя поручения, того или иного характера, крупного собственника имущества. Основой крупной собственности земля, где трудились товаропроизводители – сельское население, лишившееся собственных наделов по тем или иным причинам, не всегда экономическим. Складыванию такой собственности предшествовал период первоначального накопления «капитала», основанный на развивающейся налоговой системе и регулируемый формирующимся законодательством.

Борьба за «кормления», а по мере формирования и роста земельной собственности, перерастала «охоту» за рабочими руками товаропроизводителей, усиливала противоречия внутри потомков Ярослава Мудрого. Его очередной порядок кормления (престолонаследия) быстро вступил в противоречие с логикой жизни – рождением и смертью. Не всем было суждено дожидаться «очереди», а сподвижники – дружинники требовали «добычи».

Пока была потребность в Киеве, как центре сбора караванов и дальнейшего транзита в Византию излишков производства в восточно-славянских землях, все мирились с необходимостью отчисления в центральную казну. Но время шло и региональные умельцы смогли наладить производство достаточный объем качественных изделий [3, с. 105], что неизбежно вело к замещению импорта. Объемы ввоза товаров из Византии неуклонно падали, но рос региональный товарооборот, который находился в руках бывшей родо-племенной хозяйственной верхушки. Единственным способом решения проблемы перераспределения быстро растущего избыточного продукта, необходимо было ее возглавить. Князя, как руководители растущего числа воинского сословия, имели ряд преимуществ, где больше, где меньше. Там, где эти преимущества были не очевидны, разгорелась бескомпромиссная борьба среди получателей материальной выгоды. Бывшая родо-племенная верхушка, трансформированная в боярство, не имела желания делиться своими доходами и активно противостояла представителям клана руководителей воинов – потомкам Ярослава Мудрого. Ярчайший пример – противостояние Галицко-Волынских бояр с княжеской администрацией [9, с. 78]. Стремление князя адаптироваться в чисто региональную элиту, причем возглавить ее, не могло понравиться «аборигенам», для которых представители «Киева» были, как им казалось, временным неудобством.

Другое дело кормления на северо-востоке. Здесь княжеская администрация возглавляла процесс колонизации земель, населенных финно-угорскими племенами. Обеспечение соратников киевского ставленника происходило не за счет добровольных взносов соплеменников – полюдья, пусть даже трансформированного в налог – урок, а, преимущественно, за счет дани с покоренного (обложенного поборами – как кому нравится) (в той или иной степени) аборигенного населения. Вслед за военными дружинами шли и ремесленники. Первыми могли быть металлурги и оружейники. По аналогии с Вышгородом, центром военной организации полян, где археологами изучены крупные металлургические культурные пласты [1, с. 25-33].

Менталитет славян-переселенцев в эти земли менялся стремительно. Если в местах давнего своего проживания восточные славяне вполне для себя обычным делом считали кровную месть – ярчайший признак доминанты родо-племенных отношений, то на северо-востоке, в формирующейся Владимиро-Суздальской земле, об этом обычае необходимо было забыть. Частые столкновения с аборигенами заставляли ценить жизнь соплеменника – не родича выше и больше содействовать законному киевскому «легату».

Возможно такое состояния общественного сознания жителей Владимиро-Суздальской земли, позволило им «от души» пограбить Киев в 1169 году [15, с. 520], а смоленцы в 2003 году [10, с. 2] поставили окончательную точку в значимости Киевского стола. При этом причины похода (как то нарушение очередного порядка наследия Киевского стола) явно были инерцией. Всеволод Юрьевич иллюзий не питал и отдал все силы на усиление Владимирской земли. Его сын, Всеволод Юрьевич, был неоспоримым главой северо-восточной Руси, которую успешно наследовали его потомки, а Дмитрий Иванович Московский (Донской) поставил окончательную точку в споре за первенство в объединительном процессе в этом регионе, но это уже другая история.

Общий экономический подъем всех территорий расселения восточных славян в X-XI веках, особенно развитие ремесел, вел к формированию центров регионального обмена. Формирующееся государство стремилось контролировать как регулярность поступления налогов, так и систему гражданских договорных отношений. Управлять этими процессами было проще на местах, что вело к консолидации региональных элит и развитию форм государственности отвечавшей этнической и социальной специфике региона.

Литература

1. Голубева Л.А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М., 1968. С. 25-33.
2. Данькова Т.Н. Сельскохозяйственная лексика праславянского периода (из истории становления сельскохозяйственной лексики русского языка) // Известия ВГПУ. 2008. С. 40-44.
3. Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Ремесленное производство на сельских памятниках Древней Руси в свете новых археометаллографических данных // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 91-110. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/7>

4. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие IX–XIII вв. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.; Л., 1971. 92 с.
5. Кулешов В.С. Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII – начало XI в.) // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 202-208.
6. Лев Диакон. История. М.: АН, 1988. 120 с.
7. Лихачев Д.С., Творогов О.В. Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
8. Мозговой С.Г. Геополитические основания распада Киевской Руси в 30-годах XII века // Наука и современность. 2010. № 5-1. С. 139-144.
9. Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. 2010. № 1 (19). С. 78-86.
10. Подопригора В.В. Густынская летопись XVII в. о борьбе за галицкое княжение в конце XII – первой трети XIII в. // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). С. 2. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-2-2>
11. Попов Г.Г. Дискуссии о характере социально-экономического развития средневековой Руси в отечественной и зарубежной науке XX века // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 2. С. 33-47.
12. Ромашов С.А. Походы Святослава и судьба его восточных завоеваний на картах атласа истории Древней Руси // История: Факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 56-70. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-27-2-56-70>
13. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980. 607 с.
14. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 358 с.
15. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200. СПб., 2009. 672 с.
16. Чистяков О.И. Пространная Русская Правда: по Троицкому списку второй половины XIV в. Российское законодательство X–XX веков. М., 1984–1994. 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. 1984. С. 64-73.
17. Шевцов А.О. Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 // Труды Государственного исторического музея. М., 2018. Вып. 210. С. 483-550.

© Гребенюков В.И., 2022